

Б. В. Горбунов

**НАРОДНЫЕ ВИДЫ СПОРТИВНОЙ БОРЬБЫ
КАК ЭЛЕМЕНТ ТРАДИЦИОННОЙ
КУЛЬТУРЫ РУССКИХ
(XIX — начало XX в.)**

Одной из малоисследованных проблем в этнографии остаются традиции народных состязательных игр, в частности обычай рукопашных состязаний без применения оружия при соблюдении неписанных правил, обусловленных культурно-бытовой традицией и определяющих круг разрешенных приемов, посредством которых может быть достигнута цель игры — победа над соперником.

Общеизвестно, что в недавнем прошлом у русских (а также у украинцев и белорусов) широко бытовал кулачный бой — рукопашное состязание, определяемое как «бой кулаками, без применения оружия»¹; «драка кулаками, для забавы, из молодечества», где соблюдаются определенные правила: «лежащего не бьют, мазку (на ком кровь) не бьют; рукавички долой, лежащий в драку не ходит и пр.»². Эта народная игра рассматривается в общих чертах в ряде этнографических работ³. Ей посвящено несколько специальных исследований⁴. Однако в целом традиции народных кулачных боев изучены мало.

Наряду с названным у русских существовал другой тип рукопашного состязания, основным содержанием которого в отличие от кулачного боя являлось «единоборство без оружия и без побоев и драки, где противники только стараются побороть друг друга, свалить с ног наземь»⁵. Для его обозначения чаще всего употребляется, в том числе этнографами, термин «борьба».

Борьба наряду с кулачными боями упоминается в этнографических исследованиях как одно из самых распространенных народных состязаний, устойчивый элемент традиционной культуры русских⁶. К сожалению, она совершенно не изучена. Лишь в некоторых публикациях встречаются общие сведения об этой игре⁷. Специальных же работ по данной теме нет.

Необходимо, на наш взгляд, исследовать распространенность традиции состязаний в борьбе и приурочивание ее к народным праздникам, выявить отдельные стороны игры (правила, время, место, организацию и общий ход состязаний, приемы, терминологию, призы и заклады, возрастной, социальный, этнический и профессиональный состав участников и зрителей, местные особенности и т. п.). Затем систематизировать эти сведения, выявить типологию разновидностей борьбы, областные различия, изучить эволюцию и генезис традиции, ее общественные функции (военно-прикладную, воспитательную, магическую, обрядовую и др.). Важно разработать аргументированную этнографическую трактовку традиционных рукопашных состязаний, что пока еще не сделано этнографами. Поэтому необходимо их всестороннее сравнительное изучение «в различных европейских странах»⁸.

У ряда народов СССР (башкиры⁹, буряты¹⁰, грузины¹¹, казахи¹², молдаване¹³, татары¹⁴ и др.) и зарубежных стран (болгары¹⁵, германо-швейцарцы¹⁶, монголы¹⁷ и др.) традиционные виды борьбы нашли практическое применение как средство физического воспитания и элемент современных праздничных обрядов. В свете этого опыта необходимо изучить возможности практического использования народных видов борьбы у русских.

Существует обширный круг источников, которые содержат разнообразные сведения по изучаемой проблеме. Это опубликованные материалы географичес-

ких и этнографических экспедиций, периодическая печать, мемуары, дневники и частная переписка, датируемые XVIII — серединой XX в., фото- и кинодокументы конца XIX — начала XX в. Большой интерес представляют материалы архивов: Государственного музея этнографии народов СССР (особенно фонд В. Н. Тенишева), Географического общества СССР, Музея антропологии и этнографии АН СССР, Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства, ряда историко-краеведческих музеев (Вологодского, Дмитровского, Егорьевского, Ейского, Зарайского, Касимовского, Кирсановского, Коломенского, Рязанского и др.). Часть названных источников содержит подробные описания игры, ее правил, терминов, приемов; сведения о времени, местах и обстоятельствах проведения состязаний; приурочивании их к народным праздникам, местным особенностям; данные об участниках и зрителях, сильнейших борцах. В них достаточно полно отражены общественные функции исследуемой традиции. Однако зачастую источники сообщают лишь часть сведений. Порой игра только упоминается как бытующая в той или иной местности на народных праздниках. Важным источником являются материалы анкет и интервью, полученные автором от непосредственных участников и свидетелей традиционных рукопашных состязаний (эти данные относятся к первой половине XX в.). Интересные, однако в большинстве своем фрагментарные сведения есть в некоторых этнографических работах по традиционной культуре восточных славян.

Место и значение традиции в тот или иной исторический период не могут быть выяснены без изучения ее истоков и эволюции. Это обуславливает привлечение в качестве источников фрагментов летописей, государственных и религиозных актов средневековья и нового времени, известий иностранцев о Московии, а также трудов ряда историков (С. М. Соловьев, Н. И. Костомаров, И. Е. Забелин и др.).

Рассматривая художественное творчество как специфический способ познания окружающей действительности, необходимо использовать и такие источники, как фольклор, народное (например, лубок) и профессиональное изобразительное искусство, произведения классиков русской и советской литературы.

Имеющиеся у нас сведения о традиционном приурочивании состязаний в борьбе у русских свидетельствуют об их широком распространении во время весенне-летних календарных праздников. Так, в XIX в. «издревле известные в России борьба и кулачный бой составляли одну из любимых забав народных, особенно в сырную неделю»¹⁸. Исследователям знакомы сообщения о борьбе как масленичной потехе, датируемые XIII в.¹⁹. К Масленице часто приурочивались выступления борцов-профессионалов в балаганах и цирках²⁰. Состязания в борьбе издавна устраивались на Пасху²¹ и на Фоминой неделе — на Радуницу и Красную горку²². Возможно, с известным пасхальным обычаем катать яйца, символизировавшим зарождение новой жизни, связаны некоторые лубочные картинки, на которых изображены борцы, под ними два яйца и надпись: «Удалые молодцы добрые борцы ахто ково поборить невсхватку тому два ица всм Атку» (рис. 1)²³. Во всяком случае, обычай раздавать яйца в качестве награды победителю состязаний в борьбе практиковался, по-видимому, именно на Пасху.

Состязались в борьбе и на Семик-Троицу²⁴. Интересное описание таких состязаний имеется в мемуарах маршала Б. М. Шапошникова. В Красноуфимске русские боролись за неделю до Троицы и в Троицын день. Подобно кулачным боям, соревнования носили характер массового противоборства двух партий — города и деревни. В кругу, образованном зрителями, в поединки вступало сразу несколько пар борцов, принадлежащих к разным партиям. При этом, как и в кулачных боях, «сначала выступали подростки, юноши, затем люди старшего возраста». Последний борец, которого уже никто не мог побороть, считался победителем и целый год пользовался большим почетом²⁵. Подобные сообщения нередки²⁶. К ним близко по характеру описание борьбы

Рис. 1. «Удалые молодцы добрые борцы». Лубочная картинка. Середина XVIII в. Из собрания Д. А. Ровинского (Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина)

в повести Д. Н. Мамина-Сибиряка «Три конца»²⁷, действие которой происходит на горнозаводском Урале в 60-е годы XIX в. В этих свидетельствах обращает на себя внимание то, что массовый характер состязания принимали лишь один раз в году, а также почет, которым в течение года пользовался победитель. Можно предположить, что в древности такие состязания были ежегодным смотром сил общины. Известно, что значительно позже в деревенском быту важным критерием оценки достоинств человека были физическая сила, ловкость, умение бороться и биться на кулачках.

В воскресенье после Троицы (русальное заговение) устраивались состязания борцов²⁸. Непременным элементом древнерусских русалий были военные игры²⁹, к числу которых, как известно, относятся кулачные бои. По мнению С. М. Соловьева, в первом летописном упоминании русалий (1068 г.) сообщается о борьбе и кулачном бое³⁰. Этой точки зрения придерживается и ряд других исследователей³¹.

Обычным явлением были поединки борцов на престольных праздниках в период между посевной и уборочной страдой или после завершения уборочных работ. Так, корреспондент Этнографического бюро В. Н. Тенишева сообщал, что в селах Московской губернии на праздниках, отмечавших конец сенокоса, по традиции крестьяне устраивали борьбу³². Имеются и другие сообщения такого

характера³³. Интересно, что в селах Донецкой области и в наши дни на праздниках урожая устраиваются состязания борцов³⁴.

Полагают, что в глубокой древности рукопашные состязания на народных праздниках имели определенный ритуально-магический смысл. Так, ряд этнографов видит в таких состязаниях на весенних праздниках отголосок древнего аграрно-магического ритуала, символизирующего борьбу зимы и лета³⁵. В. Н. Харузина считала, что состязания в борьбе и кулачном бою — пережиток магического обряда, повышающего производительные силы природы³⁶. Существует мнение, что смысл масленичных кулачных боев заключается в том, чтобы «путем взаимного кровопускания, кровопролития... магически обеспечить своим полям и лугам весенние и летние дожди, влагу»³⁷. Обратим в этой связи внимание на сообщение корреспондента Этнографического бюро В. Н. Тенишева из села Верхне-Большой Каурец Наровчатского у. Пензенской губ., согласно которому местные крестьяне на Масленицу и в другие праздники бьются на кулачках «не из одного удовольствия и потехи, а и из-за того, чтобы получить более сильный урожай в настоящее лето»³⁸. Такое же сообщение имеется от другого корреспондента бюро³⁹. По мнению М. М. Бахтина, на ежегодном весеннем карнавале «все удары имеют... символически расширенное и амбивалентное значение: это удары одновременно и умерщвляющие (в пределе), и дарующие новую жизнь, и кончающие со старым, и зачинающие новое»; «удары зиждительны, ибо они помогают родиться новому»⁴⁰.

Заметим далее, что с глубокой древности в мировоззрении крестьян сохранялись представления о зависимости благополучия общины, урожая от воздействия мира умерших предков. А. П. Окладников указывает, что борьба, занимая важное место на весенних праздниках плодородия, сопровождала и погребальные торжества. Такие состязания, по его мнению, символизируя противоборство между зимой и летом, доброго начала вселенной против злых ее сил, вместе с тем должны были способствовать, по представлениям древних людей, безопасному переходу покойника в страну предков — незримых покровителей общины⁴¹. Б. А. Рыбаков считает, что погребальные боевые игры, «битвы», «бойование» славян являлись средством, призванным отгонять смерть от живых, демонстрировавшим их жизнеспособность⁴². Такие боевые игры — «ристания», борьба, кулачные бои «в честь умершего», «драки по мертвецы» — являлись, по мнению ряда исследователей, одним из основных элементов погребальных торжеств древних славян⁴³. Вследствие этого традиционные рукопашные состязания стали рассматриваться как пережиток тризны⁴⁴. Напомним, что к весенне-летним календарным праздникам, когда эти состязания были широко распространены, у восточных славян приурочивалось поминовение умерших⁴⁵.

Теперь обратим внимание на сообщение И. М. Снегирева о борьбе на выюнины (окликанье молодых на Пасху). В Семеновском у. Нижегородской губ. на выюнины, «обойдя молодых в своей и окрестных деревнях, к вечеру все партии собираются в какое-нибудь село... веселятся по-своему, то есть играют с девками в хороводах, борются и дерутся на кулачках»⁴⁶. Полагают, что выюнины, сочетающие календарную обрядность с элементами свадебной, являются пережитком древнего обряда перехода новобрачной в род мужа, позднее ставшего обрядом приема в члены сельской общины⁴⁷. Ряд этнографов считает, что состязания между двумя партиями на народных праздниках имеют своим истоком институт дуально-родовой организации древних общин⁴⁸. Ближе к этому суждение Ф. Энгельса. «Ирландские крестьяне, — пишет он, — часто делятся на партии, которые основываются на различиях, по видимости, совершенно бессмысленных или нелепых и для англичан совершенно непонятных; эти партии не преследуют другой цели, кроме излюбленных торжественных потасовок, устраиваемых ими друг другу. Это искусственное возрождение, позднейшая замена уничтоженных родов, своеобразно свидетельствующая о живучести унаследованного родового инстинкта»⁴⁹.

Далее уместно вспомнить, что противоборство двух партий — жениха

и невесты — характерно для свадебных обрядов многих народов, причем одна из распространенных форм такого соперничества — состязания в борьбе⁵⁰. Имеются сведения о состязаниях борцов на свадьбах у донских казаков⁵¹. Борьба на свадьбе у русских Среднего Поволжья красочно описана А. М. Горьким⁵². «У белорусов Витебской губернии, — сообщает В. А. Мошков, — на свадьбе борются и играют в перетяжки»⁵³. Обратим в этой связи внимание на то, что в сюжетах о сватовстве в былинах часто можно встретить сцены поединков борцов и кулачных бойцов, представляющих партии жениха и невесты⁵⁴. Так, в былине «Дунай сватает невесту князю Владимиру» Дунай состязается в борьбе с «королем ляховиньским», ловким приемом побеждает его, после чего король отдает «Опраксею-королевичну» в жены князю Владимиру⁵⁵. Напомним, также, что в многочисленных вариантах известной исторической песни о Кострюке состязание в борьбе между ним и друмя братьями, составляющее основу сюжета, происходит на свадебном пиру⁵⁶. Отметим, что былины и песня о Кострюке дают огромный материал для изучения традиционных рукопашных состязаний, но это тема отдельной работы.

Борьба на свадьбе, по справедливому, на наш взгляд, суждению В. Н. Харузиной, имеет цель «содействовать благополучию молодых, деторождаемости, хозяйственному благополучию»⁵⁷. Таким образом, прослеживается зримая связь между календарной и семейной (поминальной, свадебной) обрядностью русских. В основе этой связи лежат идеи жизнеспособности, продолжения рода и плодородия, выраженные в ритуальной борьбе, которая часто принимала форму кулачных боев или поединков борцов.

С течением времени жизненно важное в глубокой древности ритуально-магическое содержание рукопашных состязаний исчезает и они превращаются в развлечение. Именно как развлечение, характерное для русских, представлена борьба в творчестве целого ряда писателей XIX—XX вв.⁵⁸

Борьба, кулачные бои и подобные им игры были хорошим средством изменения эмоционального настроения участников и зрителей, отвлекали их от тяжелого повседневного труда и монотонного быта и, быть может, в силу своей «буйности» воздействовали на эмоции больше, чем другие народные игры. Возможно, что в данной связи стоит замечание В. Г. Белинского о том, что «буйные игры и удалая охота оцветляли этот быт»⁵⁹.

Состязания борцов собирали массы зрителей. Это было одной из причин появления еще в средневековые категории людей, которые добывали средства к существованию, показывая свое искусство в борьбе на гуляниях, ярмарках, базарах. Напомним эпизод исторической песни о Кострюке:

В то время не случилось в Москве борцов:
Разъезжались по торгам, по ярмаркам⁶⁰.

В описании Русского государства Юрия Крижанича (XVII в.) имеется перечисление «дурных сословий», среди которых мы находим «борцов»⁶¹. В XIX — начале XX в. выступления борцов-профессионалов были очень распространены⁶². Профессионалы выдвигались из числа грузчиков, молотобойцев и представителей других профессий, требовавших незаурядной физической силы. Их борьба в балаганах и цирках пользовалась громадной популярностью у демократического зрителя. Борцы стремились создать на арене образы былинных русских богатырей — боролись в народной одежде, брали псевдонимы Муромец, Добрыня, Святогор и т. п.⁶³. Особенно популярен был сильнейший борец-профессионал начала XX в. бывший портовый грузчик Иван Поддубный.

Состязались в борьбе не только в праздники. Часто боролись «просто так, из молодечества» в воскресные дни и будни, в перерывах и после работы⁶⁴. «У нас любят силу, атлетов, борьбу, — писал один из журналов начала XX в., — почти каждый здоровый мужчина считает себя силачем, не откажется побороться»⁶⁵. Имея широкое распространение, эта народная игра служила традиционным средством воспитания физических и моральных качеств,

необходимых человеку в его жизнедеятельности, в частности в повседневном труде.

Практическое применение борьбы не исчерпывалось целями физической подготовки и развлечения. С глубокой древности она имела важное военно-прикладное значение. «Народные игры и потехи, донныне однообразные в землях славянских: борьба, кулачные бои, бегание взапуски, остались памятником древних забав, представляющих нам образ войны и силы», — замечает Н. М. Карамзин⁶⁶.

Известные летописные предания о Кожемяке (992 г.) и Мстиславе Удалом (1022 г.) сообщают об обычае решать исход вооруженных конфликтов рукопашной схваткой без оружия («не оружьемъ ся бьеве, но борьбою») двух представителей противоборствующих сторон («Что ради губиве дружину меж собою? Но снидеве ся сама бороть») ⁶⁷. Мысль о важности владения приемами борьбы и кулачного боя часто звучит в русских былинах, главные герои которых (Илья Муромец, Добрыня Никитич и др.) — умелые борцы и кулачные бойцы. Типичен мотив битвы воинов несколькими видами холодного оружия, которое поочередно ломается, и решения исхода ее в рукопашном состязании ⁶⁸. На большое значение рукопашных приемов в военном деле указывают тексты воинских заговоров, где типична фраза: «Закрой, ты, девица, меня своей фатой от силы вражьей, от пищали, от стрел, от борца, от кулачного бойца, от дерева русского и заморского,... от кости и уклада, от стали и меди (курсив мой. — Б. Г.)» ⁶⁹. Таким образом, оберег от различных видов оружия стоит в одном ряду с оберегом «от борца, кулачного бойца». Интересна в этом плане одна из миниатюр «Истории Сибирской» С. У. Ремезова, где изображен Ермак, упражняющийся в различных видах оружия: стрельбе из лука и пищали, метании пика и т. п. В центре ее — изображение двух борцов с надписью: «Ермак боретца» ⁷⁰.

Ф. Энгельс заметил, что «до применения пороха исход сражений решался подлинно рукопашной борьбой» ⁷¹. В массовом пешем строю были обычны ситуации (поломка или утрата оружия, столкновение вплотную, когда его невозможно применить, и т. п.), в которых противники вынуждены были сражаться, используя лишь физическую силу, приемы борьбы и кулачного боя. Так, летопись сообщает (1019 г.): «И бысть сеча зла, оже за руки емлющиеся сечаху» ⁷². В одной из редакций «Сказания о Мамаевом побоище» говорится, что «сошлись в схватке оба войска, и крепко бились не только оружием, но и руками хватали друг друга» (перевод) ⁷³. По-видимому, в средневековые русские воины в полной мере владели приемами рукопашной борьбы. «Сражающиеся с московитами, — сообщает А. Гваньини, — должны весьма умеючи действовать оружием, чтобы не попасть в руки их, ибо они весьма крепки плечами, руками, всем телом» ⁷⁴. Вследствие широкого распространения у русских борьбы и кулачных боев мужское население с детства овладевало полезными в рукопашном бою навыками. Можно предположить, что в значительной мере благодаря этому еще в средневековые складывается традиция рукопашного удара русской пехоты. Очевидно, что военно-прикладное значение таких игр в определенной степени сохранялось и значительно позже. В частности, народные виды борьбы использовались в первые годы Советской власти для подготовки бойцов Красной Армии и в системе Всевобуча ⁷⁵.

Представляется уместным привести здесь оценку О. А. Сухаревой некоторых «жесточких обычаев» народов Средней Азии, сходных, по ее мнению, с русскими кулачными боями и борьбой. Они вырабатывали в народе боевые качества и формировали «в народном характере такие черты..., такие навыки, которые были исторически-необходимы..., вряд ли люди из народа могли бы выступать как значительная военная сила, если бы в этой среде не было условий для приобретения определенных навыков и боевого духа» ⁷⁶. Традиционные рукопашные состязания могут послужить примером отмеченного С. А. Токаревым ⁷⁷ диалектического единства позитивных начал и отрицательных сторон народных обычаев.

У русских существовало несколько видов борьбы.

1. Борьба в *схватку*. В былинах часто можно встретить выражение «Они схватились во схваточку боротисе»⁷⁸. Другие названия ее: *в охапки, в обхват, накрест, на русскую*. По правилам борцы обоюдно схватывались крест-накрест — одна рука над, другая — под плечом противника и соединяли их на его спине, сохраняя такой захват до конца поединка, время которого не ограничивалось. Для победы надо было бросить соперника на землю⁷⁹. Боролись в повседневной одежде. Местом борьбы служил участок луга, пашни и т. п. Большее значение в этом виде борьбы имела физическая сила, ловкость же была на втором плане. Так, современник сообщает, что в Орловской губ. боролись «в одноручку», но «с пренебрежением отвергали предложения бороться в охапки..., называя такой манер медвежьей борьбою, не заключающую в себе кроме силы никакого искусства»⁸⁰. По этой причине борьбу в схватку называли «мужицкой». Интересен в этом плане фрагмент былины «Подсокольник»:

А схватились удалы все в охабочку,
А по-мужицки они по-деревенски же⁸¹.

Две разновидности борьбы в схватку различались тем, что «смотря по условию» правила запрещали или разрешали подножки⁸².

2. Борьба *об одной ручке (в одноручку, на одну руку, за вороток, наперекосок, на носок)*.

Ай же вы, богатыри святорусские!
Кто из вас горазд бороться об одной ручке?⁸³

— часто встречаем в былинах киевского цикла.

Имеются сведения о двух разновидностях этой борьбы. В одной правила обязывали противников сделать обоюдный захват одной рукой за ворот одежды противника и сохранять его до конца поединка. Второй рукой какие-либо захваты делать не разрешалось: «Русские борются... — одной рукой друг друга за ворот, а другою не хватать»⁸⁴. Основным здесь был прием *бросок с носка*, что отразилось в одном из названий этой борьбы. В Холмогорах бытовал термин *сдержавший носок*, обозначавший никем не побежденного борца⁸⁵. В другой разновидности борьбы разрешалось захватывать любую часть тела и одежду противника второй рукой, но только в момент проведения приема. У Мамына-Сибиряка: «Боролись не в охапку, по-мужицки, а за вороток... Борцы ходили по кругу, взявши друг друга за ворот чекменей правой рукой, — левая шла в дело только в момент схватки. Вся суть заключалась в том, чтобы сбить противника на землю»⁸⁶.

3. Борьба *не в схватку (охотничья борьба, на вольную, на щипок, за руки)*. Здесь позволялось произвольно захватывать обеими руками тело и одежду противника. Для победы надо было повергнуть соперника на спину. При этом его «надо было удерживать известное время под собой и большей частью до тех пор пока он [не] признавал себя побежденным»⁸⁷. Выявлены три разновидности такой борьбы: а) разрешались захваты только выше пояса; б) допускались подножки; в) разрешалось также захватывать руками ноги противника⁸⁸. По сравнению с другими видами борьбы здесь борцам предоставлена большая свобода действий, из чего можно предположить, что борьба на вольную восходит непосредственно к боевым рукопашным схваткам и, по-видимому, является древнейшей из рассмотренных. Описания этой борьбы чаще других встречаем в былинах.

4. Борьба *на поясах (на кушаках, на ремни, за пояски)* — последний и известный нам русских видов борьбы. С большой долей вероятности можно предположить, что она заимствована русскими у тюркских народов. Так, по свидетельству И. И. Лепехина, башкиры при борьбе «не берут друг друга за ворот, как русские борцы, но за кушаки, и употребляют обыкновенные при борьбе ухватки»⁸⁹. В. И. Даль, рассматривая виды борьбы у русских, отметил, что в отличии

Рис. 2. Борьба на поясах. С картины И. С. Щедровского (1815—1870) «Борцы» (1837 г.) (Государственный Русский музей)

от них «татары и башкиры закидывают друг другу пояс за поясицу, не хватаясь за одежду и упершись левым плечом друг в друга, а перехватывать руками и подставлять носков не дозволяется»⁹⁰. По-видимому, не случайно борьба на поясах неизвестна в былинах. По мнению Л. Куна, она была типичным элементом военно-физической подготовки кочевников⁹¹. В ходе продвижения русских в Поволжье, на Урал, в Сибирь, Среднюю Азию, на юг, а также миграций тюрков в центр России и те и другие вступали во взаимные контакты — трудовые, бытовые, брачные и т. п. В таких ситуациях обычно происходит известная диффузия элементов традиционной культуры. В частности, русские познакомились с народными видами борьбы тюрков, потом нередко участвовали в их состязаниях на местных праздниках⁹². Самое раннее из известных нам изображений борьбы на поясах у русских на картине И. С. Щедровского 1837 г. (рис. 2). Со временем борьба на поясах заметно распространилась среди русских⁹³ и стала восприниматься как традиционное явление, чему, на наш взгляд, в немалой степени способствовало то, что правила ее очень близки к правилам борьбы в схватку.

По правилам борьбы на поясах у русских соперники обоюдно захватывают друг друга крест-накрест (как в борьбе в схватку), взяв на спине пояс партнера обеими руками. Отпускать захват не разрешалось до конца поединка (как в борьбе в схватку). Победа оставалась за тем, кто первым бросал противника

на землю. Две разновидности этой борьбы, как и борьбы в схватку, различались по тому, разрешались или нет подножки⁹⁴. Таким образом, заимствование было не механическим, оно было обусловлено существованием русского вида борьбы в схватку. Борьба «на поясах» у русских замечательно описана А. М. Горьким в романе «Дело Артамоновых»⁹⁵.

Итак, у русских известно по крайней мере четыре вида борьбы, включающие девять разновидностей. Цель борьбы: первым повалить соперника на землю. Однако в каждом виде борьбы круг разрешенных приемов строго ограничен правилами, что дает возможность выявить сходство и различие между ними. В народной речи различие это отразилось и закрепилось в традиционных названиях видов борьбы. Необходимо отметить, что, по-видимому, каждая из ее разновидностей имела свой ареал, однако этот вопрос пока не изучен нами достаточно полно. Следует сказать также, что само по себе существование нескольких видов борьбы не является чем-то необычным. Так, известны три вида борьбы у белорусов⁹⁶, столько же у украинцев⁹⁷, по два — у молдаван⁹⁸, осетин⁹⁹, узбеков¹⁰⁰ и у некоторых других народов. В чем же причины выявленного нами многообразия? На наш взгляд, они кроются в исторических особенностях развития русского этноса на огромной территории.

Судя по имеющимся данным, в народных видах борьбы у русских существовал богатый арсенал приемов. У каждого из них было свое название, порой прием обозначался несколькими терминами, бытовавшими в разных местах. Приведем несколько таких терминов: *брать на косу бедру, брать с крюку, метать с носка, бороться под силки, завертеть мельницей, перебросить через себя* и др.

Подведем некоторые итоги. На протяжении длительного исторического периода широкое распространение у русских имели несколько видов и разновидностей борьбы. Они вместе с кулачными боями составляли традиционный комплекс рукопашных игр-состязаний, который сформировался в ходе развития русского этноса в условиях постоянной военной борьбы. Помимо военно-прикладной эти игры в разное время выполняли и другие общественные функции (воспитательную, развлекательную, магическую, обрядовую и др.). Длительное и широкое бытование народных игр позволяет рассматривать их как устойчивый элемент традиционной культуры русских, который нуждается в дальнейшем изучении.

Примечания

¹ Словарь современного русского литературного языка. Т. 1. М.: Л., 1950. Стб. 538.

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1979. С. 215.

³ См., например: Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии. Вып. 1. Пг., 1916. С. 104, 109, 244, 251, 258; Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963. С. 124; Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978. С. 163—166; Ровинский Д. А. Русские народные картинки. Кн. 5. СПб., 1881. С. 220—222; Семенова Л. Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в. Л., 1982. С. 171—173; Коринфский А. А. Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц. М., 1901. С. 161, 300; Чичеров В. И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX веков. М., 1957. С. 116; и др.

⁴ См., например: Лебедев А. А. Из истории кулачных боев на Руси // Русская старина. 1913 Т. 155. (Июль). Кн. 7. С. 103—123; Фомин Г. И. Кулачные бои в Воронежской губернии // Изв. Воронежского краеведческого о-ва. 1926. № 3, 5, 6; и др.

⁵ Даль В. И. Указ. раб. Т. 1. С. 117.

⁶ См., например: Забылин М. Русский народ, его обычаи, обряды, суеверия и поэзия. М., 1880 С. 43; Рабинович М. Г. Указ. раб. С. 162—163; Ровинский Д. А. Указ. раб. С. 219—220; Снегирев И. М. Русские протонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 2. М., 1837. С. 126; и др.

⁷ Даль В. И. Указ. раб. Т. 1. С. 117; Максимов С. В. Крылатые слова // Собр. соч. Т. 1. СПб., 1909. С. 289; Ровинский Д. А. Указ. раб. С. 219—220; Чесноков Б. М. Русская народная борьба / Теория и практика физической культуры. 1955. № 11. С. 842—847.

⁸ Гроздова И. Н. Народы Британских островов // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX — начало XX в. Летне-осенние праздники. М., 1978. С. 80

⁹ Токарев С. А. Этнография народов СССР. М., 1958. С. 192.

¹⁰ Там же. С. 457; Бурятский «Сурхарбан» // Сов. Россия. 1987. 5 июня. С. 4.

¹¹ Встретились богатыри // Правда. 1983. 25 сент. С. 6.

- ¹² Байдосов К. Р. Казахская национальная борьба. Алма-Ата. 1987.
- ¹³ Руснак П. К. Трынта. Кишинев, 1987.
- ¹⁴ Манасылов Ф. Батыры пастут на селе // Известия. 1988. 4 апр. С. 6.
- ¹⁵ Вакарелски Х. Етнография на България. София, 1977. С. 465.
- ¹⁶ Саломахин Ю. Когда затрубят герольды // Сов. спорт. 1970. № 214. С. 4.
- ¹⁷ Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980. С. 44—47.
- ¹⁸ Снегирев И. М. Указ. раб. Вып. 2. С. 126; см. также: Забылин М. Указ. раб. С. 43; Коринфский А. А. Указ. раб. С. 161; Ровинский Д. А. Указ. раб. С. 219; и др.
- ¹⁹ Леонтьев А. К. Нравы и обычаи // Очерки русской культуры XVI в. Ч. 2. М., 1977. С. 62.
- ²⁰ Дмитриев Ю. А. Русский цирк. М., 1953. С. 238.
- ²¹ См., например: Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Вып. 1, М. 1877. С. 141, 168; Завойко Г. К. Верования, обычаи и обряды великороссов Владимирской губернии // Этнографическое обозрение. 1914. № 3/4. С. 157; Шукин Н. С. Народные увеселения в Иркутской губернии // Зап. Имп. Русского Географического о-ва по отделению этнографии. Т. 2. СПб., 1869. С. 396; и др.
- ²² См., например: Костомаров Н. И. Етнографічні писання. Киев, 1930. С. 229; Красин Д. Красная горка // Орловские губернские ведомости. 1895. № 45. С. 2; Смоленский этнографический сборник. Составил В. Н. Добровольский. Ч. 2. СПб., 1893. С. 318; и др.
- ²³ Русские народные картинки XVII—XVIII вв. Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М., 1970. С. 33—34.
- ²⁴ См., например: Зобнин Ф. Из года в год. Описание круговорота крестьянской жизни в с. Усть-Ницынском Тюменского уезда // Живая старина. Вып. 1. СПб., 1894. С. 54; Завойко Г. К. Указ. раб. С. 157; Записки Н. И. Толубеева. СПб., 1889. С. 10, 11; и др.
- ²⁵ Шапошников Б. М. Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1982. С. 45—46.
- ²⁶ См., например: Вытегорские Кондужи. Материалы для истории и этнографии // Олонецкие губернские ведомости. 1874. № 23. С. 293; Грандильевский А. Родина М. В. Ломоносова. Областной крестьянский говор // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 83. № 5. СПб., 1907. С. 103; Кириллов Н. Сольвычегодский. у. Вологодская губ. // Архив Гос. музея этнографии народов СССР (далее — ГМЭ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 336. Л. 23; и др.
- ²⁷ Мамин-Сибиряк Д. Н. Три конца // Полн. собр. соч. Т. 2. Пг., 1915. С. 72—75.
- ²⁸ См., например: Городцов П. А. Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 26. Тобольск, 1916. С. 8, 10; Завойко Г. К. Указ. раб. С. 157; Макаров М. Н. Русские предания. М., 1838. С. 44; и др.
- ²⁹ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 676.
- ³⁰ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 114; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 2. М., 1960. С. 70.
- ³¹ Сахаров А. Н. Церковь в период феодализма // Христианство и Русь. М., 1988. С. 52; Новгородские былины / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1978. С. 369—370.
- ³² Куликовский Г. Московская губ. // Архив ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 634. Л. 81.
- ³³ См., например: Архангельский А. Село Давшино Ярославской губ. Пошехонского уезда // Этнографический сборник, издаваемый Имп. Русск. Географическим о-вом. Вып. 2. СПб., 1854. С. 35; А. М. Письма путешественника по Сибири // Северная Пчела. 1827. № 24. С. 4; и др.
- ³⁴ Гончарук О. «Куриш» — борьба донецка // Спортивна газета. 1976. 27 марта. С. 2.
- ³⁵ Гроздова И. Н. Народы Британских островов // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX — начало XX в. Весенние праздники. М., 1977. С. 92; Гроздова И. Н., Токарев С. А. Заключение // Там же. С. 342; Миллер В. Ф. Русская масленица и западноевропейский карнавал. М., 1884. С. 31—32; и др.
- ³⁶ Харузина В. Н. Рец. на кн.: Д. К. Зеленин. Очерки русской мифологии. Вып. 1. Пг., 1916 // Живая старина. Пг., 1916. Вып. 4. С. 336.
- ³⁷ Румянцев Н. Масленица // Атенст. М., 1930. № 49. С. 100.
- ³⁸ Архив ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1365. Л. 1.
- ³⁹ Там же. Д. 1860. Л. 7.
- ⁴⁰ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965. С. 223, 225.
- ⁴¹ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья Л., 1970. С. 105, 107.
- ⁴² Рыбаков Б. А. Указ. раб. С. 87, 89.
- ⁴³ Котляревский А. А. О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868. С. 131—132; Рыбаков Б. А. Указ. раб. С. 87, 89; Соловьев С. М. Указ. раб. Кн. 1. С. 108; и др.
- ⁴⁴ Зеленин Д. К. Указ. раб. С. 109; Пропп В. Я. Указ. раб. С. 124; и др.
- ⁴⁵ Пропп В. Я. Указ. раб. С. 124; Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX — начало XX в. М., 1979. С. 213.
- ⁴⁶ Снегирев И. М. Указ. раб. Вып. 3. С. 214.
- ⁴⁷ Соколова В. К. Указ. раб. С. 134, 141.
- ⁴⁸ Токарев С. А. Этнография народов СССР. С. 83; Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948. С. 283.
- ⁴⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 132—133.
- ⁵⁰ Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда // Этнографическое обозрение. М., 1901. № 1. С. 150; Харузина В. Н. Указ. раб. С. 336.
- ⁵¹ Картины из народной жизни донских казаков. М., 1871. С. 41.
- ⁵² Горький М. Дело Артамоновых // Полн. собр. соч. Т. 18. М., 1973. С. 123.
- ⁵³ Мошков В. А. Указ. раб. С. 150.

- ⁵⁴ См., например: Женитьба князя Владимира и Дуная Ивановича // Былины Севера. Т. II. Прионежье, Пинега и Поморье / Подгот. текста и комм. А. М. Астаховой. М.; Л., 1951. С. 84; Ставер Годинович и Василиса Никулична // Там же. С. 242; и др.
- ⁵⁵ Добрыня Никитич и Алеша Попович. / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов, В. Г. Смолицкий. М., 1974. С. 137.
- ⁵⁶ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Подгот. А. П. Евгеньева, Б. Н. Путилов, 2-е изд. М., 1977. С. 23—32.
- ⁵⁷ Харузина В. Н. Указ. раб. С. 336.
- ⁵⁸ См., например: Аксаков С. Т. Семейная хроника // Собр. соч. Т. I. М., 1955. С. 76, 102; Мельников П. И. (Андрей Печерский). На горах. Кн. I. М., 1956. С. 124; Толстой Л. Н. Рубка леса // Собр. соч. Т. 2. М., 1979. С. 53; Мамин-Сибиряк Д. Н. Указ. раб. С. 72—76; Горький М. Указ. раб. С. 106, 123; Гладков Ф. В. Вольница. М., 1971. С. 367, 368; Шолохов М. А. Тихий Дон // Собр. соч. Т. 2. М., 1962. С. 144; Балябин В. И. Забайкальцы. Иркутск, 1986. С. 192; Задорнов Н. П. Амур-батюшка. Кн. 1/2. М., 1972. С. 45; Седых К. Ф. Даурия. М., 1973. С. 265—267; Залыгин С. П. Соленая Падь. М., 1981. С. 62, 74, 75; и др.
- ⁵⁹ Белинский В. Г. Литературные мечтания // Собр. соч. Т. I. М., 1976. С. 63.
- ⁶⁰ Собрание народных песен П. В. Киреевского: записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях. Т. I / Подгот. текстов к печати, статья и комм. А. Д. Соймонова. Л., 1977. С. 64.
- ⁶¹ Шептаев Л. С. Русское скоморошество в XVII в. // Уч. зап. Уральского гос. ун-та. Вып. 6 Свердловск, 1949. С. 48.
- ⁶² Дмитриев Ю. А. Цирк в России от истоков до 1917 года. М., 1977. С. 233, 356—358; Кузнецов Е. Цирк. Происхождение, развитие, перспективы. М., 1971. С. 322—323.
- ⁶³ Дмитриев Ю. А. Русский цирк. С. 235.
- ⁶⁴ См., например: Жаков К. Ф. Очерки из жизни рабочих и крестьян на Севере. СПб., 1906. С. 63—64; Струмилин С. Г. Из пережитого. М., 1957. С. 17; Борьба // Петербургский листок 1898. № 44. С. 3; Суханов И. Сельская община в долине Ангары // Тобольские губернские ведомости. 1895. № 28. С. 489; и др.
- ⁶⁵ Спорт. М., 1903. № 50/51. С. 822.
- ⁶⁶ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. I. М., 1903. С. 54.
- ⁶⁷ Повесть временных лет. Ч. I. С. 84, 99.
- ⁶⁸ См., например: Илья и сын // Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом. Т. I. М.; Л., 1949. С. 419—420; Добрыня и Алеша // Там же. С. 594; Королевичи из Крякова // Там же. Т. 2. С. 147—148; Дунай // Там же. С. 419; Иван Годинович // Там же. С. 716; Подсокольник // Былины Севера. Т. I. М.; Л., 1938. С. 121—122; Про Старого // Там же. С. 371; и др.
- ⁶⁹ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. I. М., 1865. С. 274; см. также: Бурцев А. Е. Заговоры и заклинания русского народа // Полн. собр. этнографических трудов. Т. 8. СПб., 1911. С. 47, 52; Забылин М. Указ. раб. С. 299.
- ⁷⁰ Цит. по: Осьминина Р. Родом неизвестный, душой знаменитый // Наука и жизнь. 1982. № 1. С. 45.
- ⁷¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 14. С. 122.
- ⁷² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. Л. 79 об.
- ⁷³ Сказание о Куликовской битве // Шамбинаго С. К. Повести о Мамаевом побоище. СПб. 1906. С. 29—30.
- ⁷⁴ Гваньини А. Замечания иностранца XVI века о военных походах русских того времени. Отечественные записки. Ч. 25. СПб., 1826. С. 96.
- ⁷⁵ Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства. Ф. 7576. Оп. 28. Ед. хр. 4. Л. 120—125.
- ⁷⁶ Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов). М., 1976. С. 48, 51, 52.
- ⁷⁷ Токарев С. А. Введение // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 3.
- ⁷⁸ Бой Добрыни с Ильей Муромцем // Добрыня Никитич и Алеша Попович. С. 149.
- ⁷⁹ Максимов С. В. Указ. раб. С. 298.
- ⁸⁰ Записки Н. И. Толубеева. С. 11.
- ⁸¹ Былины Севера. Т. I. С. 121—122.
- ⁸² Ровинский Д. А. Указ. раб. С. 220.
- ⁸³ См., например, Онежские былины... Т. 2. С. 45, 83.
- ⁸⁴ Даль В. И. Указ. раб. Т. I. С. 117.
- ⁸⁵ Словарь русских народных говоров. Вып. 3. Л., 1968. С. 118.
- ⁸⁶ Мамин-Сибиряк Д. Н. Указ. раб. С. 73.
- ⁸⁷ Покровский Е. А. Детские игры преимущественно русские. М., 1887. С. 137.
- ⁸⁸ См., например: Ровинский Д. А. Указ. раб. С. 220; Крупнов П. Никольский у., Вологодск. губ. // Архив ГМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 295. Л. 25; Кириллов Н. Сольчевыгодский у., Вологодск. губ. // Там же. Д. 336. Л. 23; и др.
- ⁸⁹ Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. Ч. 2. СПб., 1772. С. 26.
- ⁹⁰ Даль В. И. Указ. раб. Т. I. С. 117.
- ⁹¹ Кун Л. Всеобщая история физической культуры и спорта. М., 1982. С. 53, 125, 135.
- ⁹² См., например: Разин Н. Полвека назад. Воспоминания борца. М., 1963. С. 35—

- Симаков Г. Н. Общественные функции киргизских народных развлечений в конце XIX — начале XX в. Л., 1984. С. 130; и др.
- ⁹³ Борьба // Новый энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 7. СПб., б/г. С. 664.
- ⁹⁴ Зобнин Ф. Указ. раб. С. 54; Чесноков Б. М. Указ. раб. С. 845.
- ⁹⁵ Горький М. Указ. раб. С. 122—123.
- ⁹⁶ Этнографія Беларусі. Мінск, 1980. С. 24, 100; Белорусская ССР. Краткая энциклопедия. Т. 3. Минск, 1980. С. 44.
- ⁹⁷ Заглада Н. Побут селянскої дитини // Матеріали до етнології. Т. 1. Київ, 1929. С. 232. Табл. XVIII. Фото 1—3.
- ⁹⁸ Руснак П. К. Указ. раб. С. 6.
- ⁹⁹ Гагиев С. Г. Осетинские национальные игры. Орджоникидзе, 1980. С. 44.
- ¹⁰⁰ Кураш // Энциклопедический словарь по физической культуре и спорту. Т. 3. М., 1963. С. 191—192.